

КОНЕЦ КОНЦЕРТА

Концерт окончен, из софитов
Мигает отраженье ночи.
Вы все ушли домой, вы спите?
Никто тут не уполномочен
Остаться. Проданы билеты,
Все песни спеты до последней.
И зал молчит, но стонет ветер,
В рекламные врезаясь стенды.

Внутри останется намного
Чего-то меньше, чем отдал я.
Ничто не вечно,
Никто не вечен,
А если мог бы —
Остался.

И топот стих, и ропот стих, и
Вы все, вы все затихли разом.
Закон у жизни хитрый, тихий...
Мы отвечаем ему спазмом
Гортани, превращаясь в песню,
Что в этом месте, час всего лишь
Назад звучала. Ну же, вместе!
Но зал пустой, пустой, как поле.

Внутри останется namного,
Чего-то меньше, чем отдал я.
Ничто не вечно,
Никто не вечен,
А если мог бы —
Остался.

Прости, что пел не так, как должно,
И жил не так, как все хотели,
Но ваш, не противоположный,
От гроба и до колыбели.
Ветра шумели. Праздник кончен.
Прости за то, что было плохо.
Никто не избегает кочек
Среди среды чертополоха.

* * *

Он ходит и стучится в двери —
Молчком сиди.
Зрачком среди
Заставленного дома ищет
В окне тебя,
Во тьме скребя
По стеклам пальцами кривыми.

Он ходит и зовет, и ждет, и
Готов напасть,
И нож запас.
А ночь проходит, утро близко.
Ты выйдешь из
Дому и визг
Издашь, увидев ужас мира.

ЛИТЕРАТОРЫ НА КУХНЕ

Почти не видные лучи
Проглочены печалью плитки.
Не самородки и не слитки,
Не сливки общества, не палачи —
Да, это мы на желтой кухне.
Горят конфорки, кран протек,
И за спиной моею тухнет
В ноябрьских сумерках бычок.

Я попытаюсь сделать шаг,
Но зацеплюсь глазами за пол

И упаду лицом на запад,
Чтобы смотреть, как, не спеша,
Нальется синим гематома,
Над воспаленным фонарем.
И я, как все тут, гекатомба —
Дань миру новому старьем.

* * *

Мы говорим на одном языке,
Не понимая друг друга нисколько.
Резкое не успеваешь в руке
Взвешивать слово, тяжелое, скользкое.

Слово, как правило, не воробей...
Ты, хлопнув дверью, уходишь. Не слышишь,
Как я кричу: «Не хотел! Не тебе!
Ну, извини!» И бросаюсь за вышедшей.

Нет. В лабиринте бульваров, дворов
Не отыщу на тебя ни намека.
Смысл потеряю в сплетении слов
И потеряю себя, одинокого.

Крики, призывы, попытки найти —
Дергаю за рукава пешеходов,
Но среди них ни один, ни один
Не понимает. Язык изуродован

Мой. Не могу продвигаться вперед.
Не разговор, а какая-то бойня!
Ну хоть когда-нибудь приобретет
Стройность язык, чтобы вы меня поняли?!

...Ты из глухого шагнула угла,
Молча кивнув, мол, без слов все понятно.
Ты поняла. Поняла, поняла!
Я бормотал что-то очень невнятное...

Встречному

Беги, беги... Мне нечего сказать.
Беги, не спрашивай — я не отвечу.
Мои часы спешат. Тупой азарт
В ногах, бегущих вечности навстречу.

Я каждый день в бреду бегу, спешу,
Опаздываю, а куда — не знаю.
Но я пишу, и слово-парашют
Смягчает приближение к трамваю.

I

«Доброе» в голосе дрогнуло утро,
Лютым оскалом лицо улыбнулось,
Сверху колючая сыплется пудра —
В темечко семечком падает глупость,

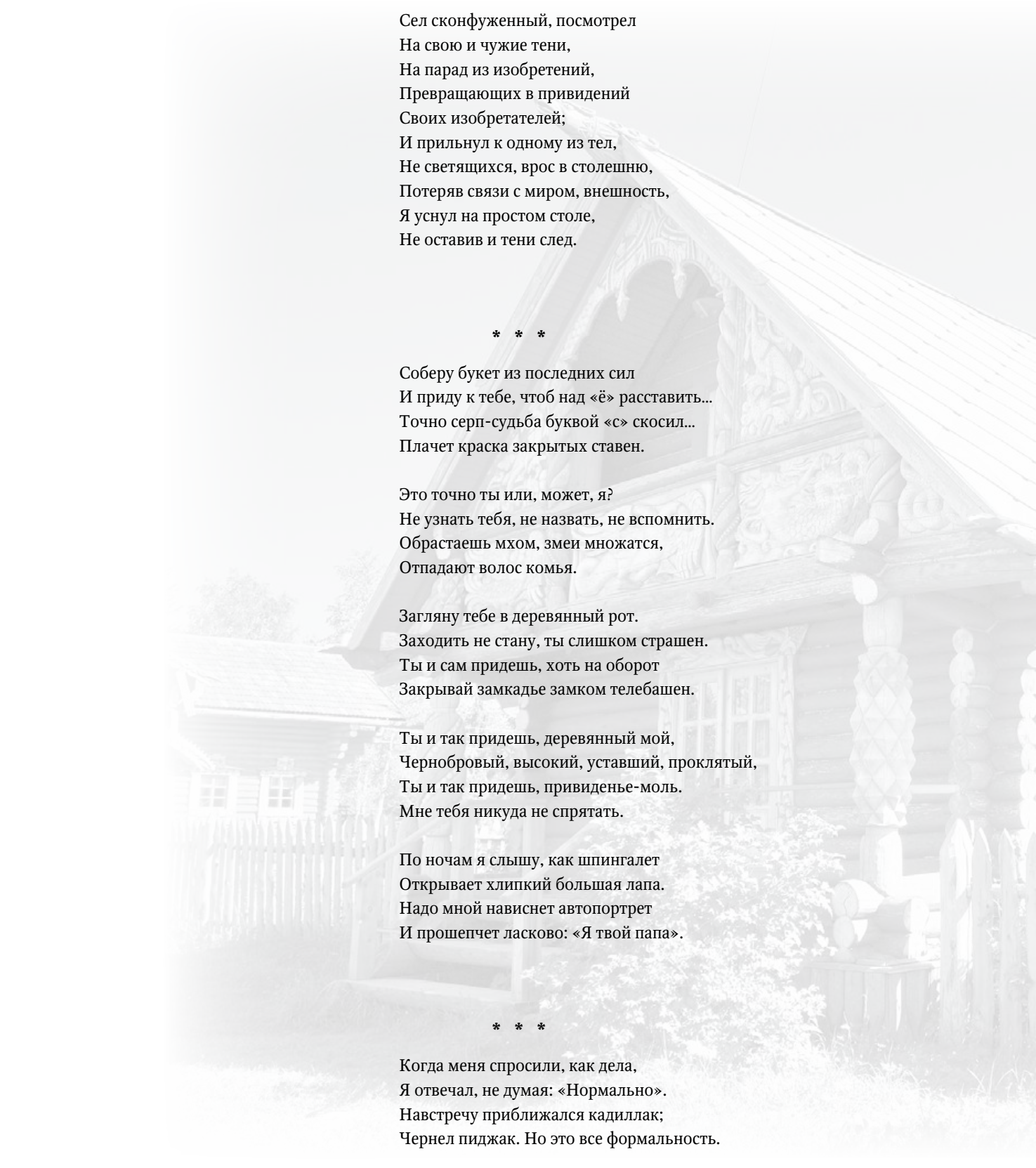
Мудрые маты — молитвы заборов,
Тополь-коралл на чернеющем фоне,
Лодкой подводной автобуса короб
На остановке, не допит в флаконе

«Шипр», ненароком забытый на лавке,
Видимо, выпить достанется мне
Все, что не выдумал выдумщик Лавкрафт,
Все, что на деле таится на дне.

Простой стол

Одноногий квадратный стол
Мутным лаком (поскольку пьяный)
Отражает огни, экраны,
Бренды, вывески и рекламы,
Тени черные от людей.
Он коричневый и простой.
Опьяневший от капель пива,
А коричневый — чтоб красиво
Растворяться среди огней,
Контрастировать, быть темней.

Черноглазы, чумазы... Мы
Меньше нормы в себе содержим
Отличительных черт и между,
Рекламирующих одежду,
Ярких вывесок выискать
Невозможно; мы не видны.
Я вскочил среди сотни сотен,
В центре зала, в толпе субботней,
Попытался кричать, кретин,
Незаметный среди витрин.

Сел сконфуженный, посмотрел
На свою и чужие тени,
На парад из изобретений,
Превращающих в привидений
Своих изобретателей;
И прильнул к одному из тел,
Не светящихся, врос в столешню,
Потеряв связи с миром, внешность,
Я уснул на простом столе,
Не оставив и тени след.

* * *

Соберу букет из последних сил
И приду к тебе, чтоб над «ё» расставить...
Точно серп-судьба буквой «с» скосил...
Плачет краска закрытых ставен.

Это точно ты или, может, я?
Не узнать тебя, не назвать, не вспомнить.
Обрастаешь мхом, змеи множатся,
Отпадают волос комья.

Загляну тебе в деревянный рот.
Заходить не стану, ты слишком страшен.
Ты и сам придешь, хоть на оборот
Закрывай замкадьё замком телебашен.

Ты и так придешь, деревянный мой,
Чернобровый, высокий, уставший, проклятый,
Ты и так придешь, привиденье-моль.
Мне тебя никуда не спрятать.

По ночам я слышу, как шпингалет
Открывает хлипкий большая лапа.
Надо мной нависнет автопортрет
И прошепчет ласково: «Я твой папа».

* * *

Когда меня спросили, как дела,
Я отвечал, не думая: «Нормально».
Навстречу приближался кадиллак;
Чернел пиджак. Но это все формальность.

На самом деле, дело без прикрас
Действительно давным-давно нормально.
Когда-то напечатан был приказ:
«Действительность черным-черна» — формальность.

За формой слова образ, пустота:
Необразованная опухоль нормально
Напоминает оклик пастуха:
«Че, как дела?» — привстречная формальность.

Ко мне подходит в белом пиджаке,
Мыжимаем руки ненормально.
В побелке мелом, в этом мужике,
Написана вся правда как формальность.

Я суну руки в брюки, поищу
В кармане деньги, не найду карманов.
Карман — формальность. Прячу нищету
Внутри груди, в пристанище кошмаров.

И говорит мне белый человек:
«Прийти сюда без зелени — нормально.
Нас довезут, бездельников. Нас всех
Положат штабелями за формальность».

Чернеет ушлая четверка под авто,
И тормоза скрипят, и все нормально.
Дела окончены, условимся на том,
Что белый с черным — суцая формальность.

Дела окончены. Условимся еще,
Что «хорошо» и «плохо» — все формальность.
Наш кадиллак не требует расчет,
Пока он на ходу — дела нормально.

